

Русский как мировой

НОВАЯ БИОГРАФИЯ СЕРГЕЯ ДЯГИЛЕВА

Анна Наринская

ГОЛЛАНДЕЦ Шенг Схейен написал хорошую биографию Дягилева — неглупую, непретенциозную и нескучную. И пусть она не дотягивает до таких образцов жанра, как биография Оскара Уайльда, написанная Ричардом Элмманом, где выверенные факты и документы складываются в подлинную литературу, но достаточно уже того, что «Дягилев. „Русские сезоны“ навсегда» не относится ни к разряду безнадежно унылых нарочито академических исследований, ни к популярному сейчас виду залихватских биографических текстов, в которых судьба героя — всего лишь иллюстрация навязчивых идей автора. В некотором смысле даже удивительно, как Схейен умудряется так взвешенно и спокойно относиться к своему герою, при жизни вызывавшему у современников либо крайний восторг, либо крайнее негодование, но никак не умеренную приязнь.

В 1913 году Александр Блок заносит в дневник знаменитую запись: «Цинизм Дягилева и его сила. Есть что-то страшное, он ходит „не один“. Искусство, по его словам, возбуждает чувственность. Очень мрачное впечатление, страшная эпоха, действительность далеко опередила воображение Достоевского, например, Свидригайлов какой-то невинный ребенок. Все в Дягилеве страшное и значительное». Примерно к этому же времени относится не менее знаменитое воспоминание Жана Кокто: «Я был в том абсурдном возрасте, когда каждый мнит себя поэтом, и видел, что Дягилева мои успехи не особо впечатляли. Я спросил его об этом, и он мне ответил: „Удиви меня! Я жду, чтобы ты меня удивил!“. В этот момент я решил умереть и заново родиться. Этим разрывом с духовным легкомыслием я, как и многие другие, обязан этому огру, этому священному монстру, этому русскому принцу, которого жизнь устраивала, только пока в ней происходили чудеса».

То, что содержательно два эти высказывания практически не отличаются («удиви меня!» — вполне свидригайловское требование), только подчеркивает их интонационную разность: Дягилевым было легко либо восхищаться, либо ужасаться. Шенг Схейен умудряется пройти ровно посередине. От этого его книга, что скрывать, недостает драйва, но ровно поэтому она оставляет нужный зазор, необходимый для того, чтобы про книгу было интересно думать после того, как последняя страница перевернута. Добросовестно рассказав о том, что делал Сергей Дягилев, Шенг Схейен оставляет нам возможность самим размышлять о том, что такое он, собственно, сделал. Хотя вообще-то ответ на этот вопрос вынесен уже на фронтиспис книги. Там помещена цитата из американского писателя Фрэнсиса Стигмюллера: «Дягилев сделал три вещи: он открыл Россию русским, открыл Россию миру и показал мир, новый мир — ему самому». Последнее утверждение (про предъявление миру нового мира), подкрепленное списком сотрудничавших с Дягилевым новаторов — от

Игоря Стравинского до Арнольда Шёнберга, от Натальи Гончаровой до Жоана Миро, — могло бы исчерпывающе описывать сущность Дягилева, главным качеством которого было чувство нового. Чутье, благодаря которому в 1912 году он ставил возмущивший общественное спокойствие эротический «Послеполуденный отдых фавна», а в 1927 — точно так же это спокойствие возмущивший просоветский «Стальной скок». Чутье «божественное», если иметь в виду, что он практически открыл Прокофьева и Баланчина, и «дьявольское», если думать о том, что его пример отчасти привел к нынешнему примату антрепренера над творцом — куратора/галериста над художником, продюсера над музыкантом и даже издателя над писателем. Сказав это, в принципе, можно перейти к пересказу разнообразных историй. Забавных эпизодов, свидетельствующих о стиле времени — как, например, упомянутый во многих воспоминаниях анекдот о пантере Иды Рубинштейн. (Дягилев и Леон Бакст явились уговаривать Рубинштейн — богатую наследницу, знаменитую танцовщицу и одну из главных богемных звезд предвоенного Парижа — отправиться с дягилевскими «Русскими балетами» на гастроли в Лондон. «Она встретила их полностью обнаженная, ведя на поводке пантеру. На Дягилеве был длинный сюртук, сразу не понравившийся животному. Пантера прыгнула в его сторону, и он тотчас, крича от ужаса, вскочил на стол. Ида, вспоминая потом Бакста, думала, что умрет со смеху, пока, ухватив зверя за загривок, загоняла его в соседнюю комнату»). И драматических эпизодов, свидетельствующих о стиле Дягилева — как, например, знаменитая история премьеры балета «Весна священная», поставленного Нижинским на музыку Стравинского. «Внезапно возникло совершенно новое зрелище, нечто абсолютно доселе не виданное, захватывающее и убедительное, — писал один мемуарист. — Публика сразу начала проявлять

СПИСОК СОТРУДНИЧАВШИХ
С ДЯГИЛЕВЫМ НОВАТОРОВ —
ОТ СТРАВИНСКОГО ДО МИРО, — МОГ БЫ
ИСЧЕРПЫВАЮЩЕ ОПИСАТЬ СУЩНОСТЬ
ДЯГИЛЕВА, ЧЬИМ ГЛАВНЫМ КАЧЕСТВОМ
БЫЛО ЧУВСТВО НОВОГО

беспокойство». Скоро «беспокойство» переросло в ужасный скандал. Сначала Габриэле д'Аннунцио и Клод Дебюсси завели ссору с недовольными господами из соседней ложи, назвав их «парочкой недоумков». Вслед за этим шум поднялся повсюду. Зрители партера, стремясь унижить оппонентов, нахлобучивали им цилиндры на глаза. Из верхних ярусов раздавались крики «Долой потаскух из шестнадцатого (богатого — Weekend) района!» Приступы хохота противников спектакля смешивались с аплодисментами его сторонников. При этом артисты на сцене невозмутимо исполняли свои языческие танцы. В конце концов вмешалась полиция и навела подобие порядка. Стравинский вспоминал, что единственный комментарий Дягилева после премьеры был: «Это именно то, чего я хотел» Этой коронной дягилевской фразой вполне можно было бы и закончить, если бы не ставшая сегодня практически неизбежной необходимость во всем искать «актуальное», то есть перекликающееся с нашим теперешним положением вещей и нашими теперешними идеями. С Дягилевым такое, конечно, возможно, но точно неинтересно.

Он сам, со своими порывами, с цепью невероятных любовников от Нижинского до Лифаря, со своими интригами, доходящими иногда до подлости, со своей всеохватывающей страстью к искусству, со своей невероятной энергией («Он умел заставить плясать даже камни», — писал Клод Дебюсси), куда интереснее, чем любое теоретизирование по его поводу.

Хотя нет, кое-что актуальное из этой книги извлечь все же стоит. Вот цитата из дягилевской статьи 1896 г. (автору в это время двадцать четыре): «Надо сделаться не случайными, а постоянными участниками в ходе европейского искусства. Солидарность эта необходима: она единственный залог прогресса и единственный отпор рутине». Звучит очень своевременно. Только Дягилева у нас на это нет.

М.: «Колибри», «Азбука-Аттикус», 2012